

Памяти нашего консула въ Албаніи Григорія Степановича Щербины ¹⁾

Наѣзды Г. С. Щербины въ Черниговъ случались обычно поздней весной или среди лѣта. Въ эту же пору обыкновенно туда изъ Кіева на дачную жизнь пріѣзжала вдова старшаго предсѣдателя Кіевской судебной палаты, сенатора, чрезвычайно симпатичная, пользовавшаяся всеобщимъ уваженіемъ высоко образованная дама Варвара Степановна Ильяшенко. Она останавливалась въ домѣ своего родного брата, прекраснаго мѣстнаго столяра Ив. Ст. Щербины, который приходился дядей Григорію Степановичу. Свою столярную мастерскую онъ завелъ сначала вмѣстѣ со своимъ братомъ Степаномъ Степановичемъ—отцомъ Григорія Степановича; они ее поставили такъ, что она стала образцомъ чисто художественнаго столярнаго заведенія, а когда братъ его,—отецъ достойнаго молодого человѣка — консула, умеръ, Ив. Степ. остался завѣдывать мастерской въ одиночествѣ, при чемъ продолжалъ неустанно совершенствовать свою работу; издѣлія, выходившія изъ его мастерской, носили особую печать необыкновеннаго искусства.

Г. С. Щербина вообще гордился тѣмъ, что его близкіе родные занимались такимъ трудомъ, также равно онъ былъ счастливъ и тѣмъ, что имъ удавалось держать мастерскую на вполнѣ артистической ногѣ; какъ владѣльцы мастерской, такъ и, помогавшіе имъ въ дѣлахъ, ихъ близкіе (родичи) стремились не столько наживать на произведеніяхъ своей мастерской средства и барыши, сколько давали себѣ трудъ совершенствовать эти произведенія; однако же удавалось

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1916 г.

имъ и то и другое; работа выходила отменно хорошою, а въ матеріальныхъ средствахъ,—въ доходѣ, тоже не было недостатка.

Пропитанный желаніемъ всегда неизмѣнно приходить на помощь учащейся молодежи, Г. С. Щербина, кромѣ того, что уступалъ не разъ свою стипендію въ Лазаревскомъ институтѣ успѣшно подвизавшимся въ наукѣ, не имѣвшимъ средствъ товарищамъ,—онъ постоянно поддерживалъ земляковъ, находившихся въ такомъ же положеніи и легко попадавшихъ ему въ Москвѣ изъ числа гимназистовъ и учениковъ другихъ учебныхъ заведеній. Почти всѣ средства, которыя дядя ему удѣлялъ отъ доходовъ съ мастерской, онъ употреблялъ на это, всегда давая себѣ трудъ старательно вездѣ разыскивать черниговскую бѣдноту; видя, что въ дѣлѣ этого разыскиванья молодой человѣкъ затрудненій не встрѣчалъ, всѣ знавшіе его съ одобреніемъ говорили объ этомъ: „на ловца и звѣрь бѣжитъ“.

Молодой человѣкъ отличался крайнею религіозностью и особою любовью къ дѣтямъ, которыя также очень его любили, чувствуя въ немъ искренняго друга, богатаго сердцемъ. Не было никого изъ знавшихъ его, кто смотрѣлъ бы на него иначе, какъ на человѣка, которому предстояла блестящая будущность.

Отецъ Іоаннъ Кронштадтскій, познакомившись съ нимъ во время бытности его на учебной службѣ въ азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, пришелъ въ крайній восторгъ отъ всевозможныхъ его качествъ; онъ, при первой же встрѣчѣ со мной, не могъ найти словъ для выраженія по его адресу самой высокой похвалы и затѣмъ, каждый разъ при свиданіи со мной, во-первыхъ, непременно вспоминалъ о немъ, а во-вторыхъ, кромѣ того, что торопился разсыпаться въ самыхъ сердечныхъ похвалахъ ему, высказывалъ по отношенію къ нему самыя лучшія пожеланія свои.

— Ну ужъ, говорилъ о. Іоаннъ, и землякъ же у васъ черниговскій Щербина, вотъ воистину достойный человѣкъ, пошли ему Господи во всемъ добра и счастья, рѣдкость, а не человѣкъ.

Какъ-то о. Іоаннъ, или зналъ, или, можно сказать, видѣлъ насквозь то удовольствіе, которое Г. С. испытывалъ всегда неизмѣнно въ дѣлѣ оказанія помощи маломощей

братіи, и это покойный Кронштадтскій добрый пастырь особенно превозносилъ.

Нужно удивляться, говорилъ кромѣ того о. Іоаннъ, тому, какъ онъ владѣетъ латинскимъ языкомъ, какъ свободно, — мастерски изъясняется по-древнегречески и съ какимъ удовольствіемъ неустанно занимается чтеніемъ священныхъ книгъ на тѣхъ языкахъ! Замѣчательно способный человекъ.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что удивительныя способности Г. С. играли большую роль въ дѣлѣ легкаго изученія имъ языковъ; но нельзя оставить безъ вниманія отзывъ, слышанный мною тогда не разъ отъ тогдашняго черниговскаго губ. предводителя дворянства князя Ник. Дмитр. Долгорукаго, который всегда говорилъ: надо отдать справедливость Черниговской мужской гимназій; благодаря пылѣшему личному составу ея, ученики въ ней оказываютъ громадныя успѣхи въ дѣлѣ изученія древнихъ языковъ; по убѣжденіямъ своимъ, я врагъ этого, но, разъ гимназія наша классическая, это должно быть такъ, въ этомъ отношеніи честь и слава, какъ директору Юліану Петровичу Антоюку, такъ и инспектору Владиміру Осиповичу Круковскому, а также и учителямъ.

Г. С. былъ отличный музыкантъ, очень любилъ музыку, прекрасно игралъ на фортепіано и артистически на скрипкѣ. Касаясь подробностей своей службы и отмѣчая косность, царящую за Балканами, Г. С. вовсе не нападалъ на славянъ, грековъ, армянъ, албанцевъ, вообще на коренныхъ жителей Балканскаго полуострова, ни даже на турокъ, хотя всѣхъ ихъ признавалъ всецѣло низкокультурными, носившими въ себѣ задатки грубой жестокости, отчаянной распущенности и безграничной фанатичности; онъ говорилъ: больше всего во всемъ, касающемся ихъ, надо винить „природныхъ“ враговъ, непрощенныхъ гостей, наводняющихъ ихъ край: нѣмцы австрійскіе, а въ послѣднее время еще больше нѣмцы германскіе развращаютъ нравы здѣшняго народца — давятъ его, не давая ему вздохнуть, онъ грубъ, донельзя низменъ, но въ немъ всегда проявляются кое-какія качества, намекающія на его прирожденную скромность, выходящую, правда, изъ той забитости, въ которую его ставятъ люди, мнящіе себя культурными.

Посмотрите, какъ этотъ народъ глубоко чувствуетъ благодарность къ тѣмъ людямъ, правителямъ странъ, странамъ, которые сдѣлали для него что-либо въ жизни! онъ орга-

нически не способенъ забыть (?) услугу ему разъ оказанную ¹⁾. Эти убѣжденія въ Г. С. сидѣли твердо; съ ними онъ неизмѣнно выступалъ заступникомъ за народъ, населявшій Балканскій полуостровъ. А что вышло! Упомянувъ объ австрійцахъ и германцахъ, говорилъ Г. С., не могу пропустить, что послѣдніе съ нѣкоторыхъ поръ бродятъ среди славянъ и вообще христіанъ толпами, вездѣ все разыскиваютъ къ тому, чтобы заниматься всестороннимъ эксплуатированіемъ мѣстнаго населенія, не пропускаютъ они въ этомъ отношеніи и турокъ, забирая у нихъ все и покоряя ихъ, какъ бы въ стремленіи своемъ готовятъ въ будущемъ свой протекторатъ надъ всей тамошней страной; дѣлали они все это прежде, лѣтъ 15—20 тому назадъ, украдкой и въ одиночествѣ, но примѣрно со времени кончины старика Вильгельма I и его злосчастнаго сына Фридриха III, все пошло какъ-то въ открытую съ полною развратною распущенностью; съ каждымъ годомъ больше и смѣлѣе они прямо учатъ здѣшній народъ не поддаваться ни въ чемъ русскимъ, которые будто бы „со своимъ разбойничьимъ казачествомъ“ стремятся ихъ закрѣпить; очень часто нѣмецкіе пришельцы прямо втемашиваютъ здѣшнему забитому народу возлагать надежду только на ихняго императора—„онъ васъ любитъ, говорятъ они, и все вамъ доставитъ, всему васъ научитъ и вся жизнь у васъ пойдетъ иначе, когда вы, при его помощи, отлѣаетесь отъ русскихъ и прогоните ихъ отъ себя“. Такіе и подобныя совѣты нѣмцы, при всякомъ удобномъ случаѣ, даютъ балканскому населенію, вислолько не стѣсняясь тѣмъ, что все вѣдь это еще такъ недавно,—за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, было, казалось, прочно подбито подкладкой дружбы къ Россіи, рассказывалъ Щербина; а когда я, по долгу своему, дошелъ до того, что прямо, безъ удержу началъ писать объ этомъ донесенія съ указаніемъ фактовъ, ставившихся мнѣ извѣстными, тогда это встрѣчалось не только съ полнымъ равнодушіемъ, но даже съ какимъ-то непо-

¹⁾ Какъ онъ ошиба ся и какъ хошо, что чистому сердцу его не довелось дожить до того, чтобы это сердце болѣзненно и съ горечью уколола предѣлка отвратительнѣйшихъ теперешнихъ болгаръ, цинично ринувшихся въ дѣло проявленія неблагодарности самой грязной. То, что Г. С. съ выработавшеюся въ немъ стойкостью признали бы всецѣло виновными въ этомъ ихъ преступленіи природныхъ нѣмцевъ, конечно, не могло бы послужить и не послужило бы ни оправданіемъ неизменнаго поступка ех-братушекъ, ни утѣшеніемъ ему.

нятымъ, а во всякомъ случаѣ пагубнымъ недоверіемъ; такъ все и оставляется безъ вниманія, безъ должнаго воздѣйствія.

Не доведетъ все это до добра; швабы и нѣмцы погубятъ наше дѣло на востокъ; а между тѣмъ есть еще время принять энергичныя мѣры, оборвать и поставить эксплоататоровъ на мѣсто, сорвавъ личину, хотя бы съ самого Вильгельма. Всему далъ тонъ Берлинскій конгрессъ, все пошло тогда же пороться по всѣмъ швамъ, а что держалось до поры до времени скрытымъ, то теперь цинично и нагло распускается и раскрывается.

Г. С. все это рассказывалъ такъ ясно, такъ обстоятельно и солидно, что, несмотря на всю неожиданность и полную новизну этихъ свѣдѣній, ни на минуту не закрадывалось сомнѣнія въ истинности всего выставлявшагося имъ.

Каждое слово его дышало правдой, каждый отзывъ его привлекалъ къ себѣ самое полное довѣріе, ни на минуту нельзя было усомниться ни въ чемъ. Еще съ большимъ довѣріемъ приходилось относиться ко всему приносившемуся имъ, послѣ того, когда доводилось отъ Варвары Степановны Ильяшенко наслушаться о проявлявшейся молодымъ человѣкомъ, племянникомъ ея, съ самыхъ малыхъ лѣтъ любви къ правдѣ, объ анекдотической правдивости его и о боязни проронить что-нибудь похожее на неправду или даже на ошибку въ сужденіяхъ своихъ. Всѣ, говорила она не разъ, серьезно знали и другъ другу передавали, въ какой степени „маленькій Гриша“ держался во всемъ только самой чистой правды и какъ смѣло онъ всегда разоблачалъ всякую малѣйшую ложь, съ возмущеніемъ, исключавшимъ въ такихъ случаяхъ всякую возможность представленія понятія объ мягкости его характера.

Е. К. Андреевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

